

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщѣе и отверзется. I.—2) Опроверженіе ложнаго извѣстія.—3) Состояніе Н. Г. Чернышевскаго (корреспонденція «Вольнаго Слова»).—4) Документъ относительно жепскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ.—5) Земскій голосъ изъ недавняго времени.—Отъ редакціи.—Ближайшія задачи земства.—6) Восемьдесятъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. V. З. С.—7) Польскій проэктъ все-російской политической реформы. (Окончаніе). X. С.—а.—8) Кладезъ оффиціальной учености (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова). П. С.—9) Рабочій день и фабричное законодательство. (Окончаніе). В. Г.—10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VII. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева.

ЖЕНЕВА 1 марта 1883 г.

Печатаніе въ нашей газетѣ статьи «Восемьдесятъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» уже настолько подвинулось, что читатель можетъ видѣть ясно основную ея идею. Статьи доказываютъ до безспорности, что земскія учрежденія, поставленныя въ ненормальныя отношенія и къ населенію, и къ администраціи уже по самому Положенію 1864 г., чѣмъ дальше, все больше приводились бюрократіей въ невозможность работать на пользу населенія. Естественно является вопросъ о причинѣ такого положенія учрежденій, которыя должны представлять само населеніе нашихъ провинцій, — а также о томъ, гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Съ своей стороны, уже въ 53 №-рѣ, при началѣ печатанія названной статьи, мы указали на причины неуспѣха земскихъ учрежденій, — а именно на ихъ исключительную «хозяйственную» постановку и не только ихъ отдѣльность отъ провинціальной администраціи, но и на ихъ подчиненіе ей, а также на необезпеченіе ихъ общегосударственнымъ представительствомъ, — и тѣмъ самымъ указывали и выходъ изъ теперешняго неудовлетворительнаго положенія, какъ земскихъ учрежденій въ частности, такъ и всей Россіи. Съ нашими мыслями въ сущности согласенъ и тотъ «Земскій голосъ», который читатель найдетъ въ настоящемъ №-рѣ. «Голосъ» этотъ представляетъ одно изъ первыхъ проявленій мысли — сдѣлать нѣмѣшнія земскія и городскія учрежденія, крайне неудовлетворительныя, но все таки единственныя въ Россіи всесоюзныя представительныя собранія, «базисомъ» для агитаціи въ пользу политическаго преобразованія всего государства.

Сегодня мы не будемъ пускаться въ изложеніе практическихъ приѣмовъ подобной агитаціи, между прочимъ и потому, что это одинъ изъ вопросовъ тактики, о которыхъ всего менѣе прилично говорить людямъ, пребывающимъ за границей. Мы коснемся только самой общей стороны этого дѣла, а именно — необходимости подобной агитаціи для тѣхъ, кто желаетъ какого бы то ни было улучшенія въ нынѣшнемъ невозможномъ положеніи мѣстной администраціи и земскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, — откуда же можетъ прійти это улучшеніе, какъ не отъ радикальнаго измѣненія администраціи мѣстной и центральной? Въдѣ земскія учрежденія болѣе десяти лѣтъ ходатайствовали объ улучшеніяхъ детальныя, самыхъ скромныхъ, — и какъ же имъ отвѣчало правительство: — чиновники и глава государства? Какія же основанія можно имѣть къ надеждѣ, что эти послѣдніе вдругъ, ни съ того — ни съ сего, измѣнятъ свое поведеніе? Развѣ теперь не повторяется на великіе лады представителями правительства, что реформы и такъ было слишкомъ много сдѣлано въ предъидущее царствованіе, — не смотря на то, что большая часть этого царствованія проведена была въ застоѣ и въ морчѣ разъ уже сдѣланныхъ реформъ, изъ которыхъ ни одна не была сдѣлана искренно и послѣдовательно?

Но, обращаясь даже къ этимъ реформамъ, къ условіямъ, при какихъ онѣ были даны, мы увидимъ, что и онѣ произведены были далеко не по одной инициативѣ правительства, по его доброй волѣ и его пониманію нуждъ страны, но и подъ вліяніемъ давленія общественной агитаціи*). Большие всего инициативы правительство, иначе Александръ II, обнаружало въ реформѣ крестьянской. На сколько тутъ было личной инициативы Александра II, теперь сказать еще трудно людямъ, не посвященнымъ въ секретныя жизни династій Романовыхъ. Но извѣстно, что въ секретныхъ комитетахъ, какіе учреждались при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу (въ 1846 и 1848), Александръ Николаевичъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, равно какъ и то, что онъ, и будучи еще наслѣдникомъ, и уже царемъ, выступилъ противъ инвентарныхъ проэктвъ Бибикова въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и то, что, тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра II, по его приказанію былъ изданъ Мпп. Вп. Дѣлъ циркуляръ, заявившій волю государя «ненарушимо охранять права, вѣщественными его предками дарованныя дворянству» (20 авг. 1855 года). Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (30 марта 1856 г.), Александръ II произнесъ извѣстные слова московскимъ дворянамъ: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу».

Что произвело подобную перемену въ понятіяхъ Александра II? Повторяемъ, вполнѣ точно отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще трудно. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью предположить личное вліяніе на императора В. Кн. Елены Павловны, короля прусскаго и бар. Гакстгаузена, убѣжденія которыхъ тѣмъ болѣе могли на него подѣйствовать, что севастопольская война показала необходимость военной реформы въ Россіи на прусскій манеръ, а эта реформа не была возможна при крѣпостномъ правѣ (замѣтимъ, что изъ всѣхъ реформъ военная проведена была въ Россіи наиболѣе послѣдовательно, что, очевидно, указываетъ на особое къ ней вниманіе самодержца); затѣмъ фраза объ отмычѣ крѣпостнаго права сверху и снизу показываетъ, что на Александра II произвели впечатлѣніе и крестьянскіе бунты 1855 года (особенно кievскій и воронежскій), бунты, конечно, слишкомъ слабыя, чтобы непосредственно заставить власть припяться за реформу, но которые, при тогдашнемъ настроеніи части общества, подготовленной внутренней и заграничной литературной агитаціей въ пользу реформы, были достаточною поддержкой для этой агитаціи.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

*) Вообще не желая унижать Александра II только потому, что онъ былъ царь, мы тѣмъ не менѣе считаемъ справедливымъ и полезнымъ опредѣлить настоящую степень его инициативы въ дѣлѣ реформъ 60-хъ годовъ, между прочимъ и въ виду страннаго приѣма, какой теперь употребляется недальновидными либералами въ русской печати и который состоитъ въ безмѣрномъ восхваленіи покойнаго царя-реформатора. Кого можно прельстить или обмануть этимъ приѣмомъ? Общество же этимъ не подвигнется.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

гласно прежнимъ о нихъ распоряженіямъ право носить нагруд. знакъ съ лит. ЖВ. и предоставить имъ слѣдующія права и льготы: 1. Удовлетв. окончившія эти курсы имѣютъ право на званіе ученой акушерки. — 2. Имъ предоставляется свободная практика по приглашенію желающихъ пользоваться ихъ совѣтомъ, но не присваивается право на государственную службу по врачебной части, ни по исполненію обязац. врачей въ присут. по отбыв. воин. повинности и судебно-медиц. экспертизы, ни по завѣдыванію общими больницами и дежурствами въ нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ освобождаются отъ отвѣтственности по ст. 114 Уст. Врач. т. 13 С. З. и ст. 325, 326 У. У. С. т. 15 за неявку по требованію больныхъ для подавн. помощи и суд. учрежд. для медиц. экспертизы. 3. Въ качествѣ специалистовъ по дѣтскимъ и женскимъ болѣзнямъ имъ присваивается право занимать должности при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пріютахъ и т. п. женскихъ воспит., богоугодн. и учебныхъ учрежденіяхъ, а также специальныхъ женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогат. заведенійхъ. 4. Имена окончивающихъ эти курсы на основаніи ст. 128 У. Врач. т. 13 Свод. Зак. записаны въ русскій медицинскій списокъ лицъ, имѣющихъ право выписывать изъ аптекъ спльно дѣйствующія средства.

О каковой Высочайшей волѣ сообщая Вашему Высоч. пр., имѣю честь покорнѣе просить Васъ, М. Г., сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Мед. Департаментъ вѣреннаго мнѣ Минист. свѣдѣнія объ именахъ лицъ удовлетв. окончившихъ и имѣющихъ впредь окончить курсъ въ Ник. Военномъ госпиталѣ для установленія согласно ст. 128 У. В. надлежащаго порядка въ производствѣ ими врачебной практики.

Подписалъ Д. Толстой. Скрѣпилъ Директоръ Мамоповъ. Вѣрно Фрей.

ЗЕМСКИЙ ГОЛОСЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ВРЕМЕНИ.

Отъ редакціи «В. Сл.». Въ 1878 году, по случаю убійства ген. Мезенцева, царь обратился къ обществу съ приглашеніемъ помочь правительству въ борьбѣ съ «крамолой». Это обращеніе совпало съ началомъ политическаго броженія въ такихъ слояхъ общества, которые до тѣхъ поръ не были затронуты предшествовавшей революціонною пропагандой (тогда исключительно социалистическаго направленія) и которые, подъ вліяніемъ, между прочимъ, войны и ярко обнаружившихся ею недостатковъ политическаго строя въ Россіи, стали задумываться о необходимости измѣненія этого строя на болѣе свободныхъ началахъ. Въ то же время въ самихъ революціонно-социалистическихъ кругахъ начинался поворотъ къ мысли о политической свободѣ, какъ о первой необходимости для населенія Россіи. Время это было такимъ образомъ психологич. точкою того политическаго движенія, какое теперь можно считать господствующимъ во всѣхъ слояхъ мыслящаго общества въ Россіи. Начало движенія этого проявилось, между прочимъ, хотя и очень несовершенно, и въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ дворянскихъ и земскихъ собраній на вышеупомянутое обращеніе правительства. Въ числѣ этихъ отвѣтовъ болѣе другихъ политическаго такта и смѣлости обнаружилъ отвѣтъ черниговскаго земства, приготовленный въ 1879 г. Онъ былъ напечатанъ въ Россіи, только въ приб. къ «Землѣ и Волѣ» и, кромѣ того, пропикъ въ заграничную печать. Между прочимъ онъ былъ набранъ въ одной брошюрѣ, которая должна была

выйти въ Львовѣ, въ Галиціи, съ предисловіемъ въ видѣ статьи «Ближайшія задачи земства», писанной, какъ видно изъ словъ автора его, лицомъ, «близко стоящимъ къ земскому дѣлу». Одно-временно съ тѣмъ, тамъ же печатались брошюры: «Мартовское движеніе студентства Кіевского университета въ 1879 г.» и «Русская молодежь, правительство и общество», — съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета и доклада совѣта С. Петербургскаго университета. Но изъ этихъ брошюръ только «Мартовское движеніе» выпущено было въ свѣтъ. Остальныя двѣ были задержаны австрійскимъ правительствомъ, которое въ это время арестовало директора типографіи по дѣлу предполагаемаго социалистическаго заговора въ Краковѣ. Хотя, спустя нѣсколько времени, директоръ и былъ освобожденъ и хотя, по нашему мнѣнію, не было невозможности истребовать у австрійской полиціи изданіе задержанныхъ брошюръ, — совершенно не противныхъ австрійскимъ законамъ, — но тѣмъ не менѣе названныя брошюры и до сихъ поръ пребываютъ подъ судомъ, если уже не уничтожены. Хотя также остановка, по чисто случайной причинѣ, печатанія очевидно систематически задуманныхъ публикацій не говоритъ въ пользу энергій лицъ, предпринимавшихъ эти публикаціи, но все таки этотъ опытъ не долженъ быть пройденъ молчаніемъ въ виду другихъ признаковъ начала того политическаго движенія, которое теперь нарастаетъ въ Россіи, — и такъ какъ нѣкоторыя мысли статьи «Ближайшія задачи земства» не утратили еще интереса и теперь, то мы и сочли нелишнимъ перепечатать ее на страницахъ «Вольнаго Слова» съ единственнаго, доставшагося намъ экземпляра, — во первыхъ, какъ документъ, во вторыхъ, какъ одинъ изъ земскихъ голосовъ, который предназначался для публичнаго обсужденія.

Ближайшія задачи земства.

Послѣдніе три года сдѣлали намъ, русскимъ, свидѣтелями такихъ событій внутренней жизни Россіи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе. Послѣ блестящихъ реформъ начала импѣриальнаго царствованія, съ середины шестидесятыхъ годовъ наступила реакція. Русское общество, не привыкшее къ бодрости мысли, охотно пошло назадъ къ тому положенію опеки, изъ которой оно только что, казалось, выпло. Началась перекройка на старыи ладъ новыхъ реформъ и среди общества не нашлось жслаія противодействовать этому. Получивъ все новое сверху, общество естественно не дорожило подачкой. Повидимому, оно уснуло, вѣруя въ безграничную силу правительства и въ его заботливость о благѣ общественномъ. Поэтому интеллигентное русское общество было не мало удивлено, когда узнало въ началѣ семидесятыхъ годовъ о движеніи молодежи въ народѣ. А между тѣмъ, начавшееся среди молодежи движеніе росло. Правительство само раздувало его, создавая колоссальныя процессы и принимая самыя варварскія мѣры относительно лицъ, въ чемъ нибудь подозрѣваемыхъ. Ссылки усилились вмѣстѣ съ ихъ жестокостью. На нашихъ глазахъ проиш: процессы московскихъ социалистовъ, процессы казанской демонстраціи, процессы 193-хъ, затѣмъ намъ же пришлось видѣть покушеніе на жизнь Тренина, вооруженное сопротивленіе Ковальскаго, его казню; убійство Мезенцева и барона Рейкнига. Наконецъ, въ эту минуту мы слышимъ объ убійствѣ князя Краюткина и о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ. Это событія, извѣстныя всей Россіи. А сколько же проишло такихъ, которыя скрыты правительствомъ отъ общества и извѣстны лишь въ не-

большомъ районѣ? Не смотря, однако, на то, что общество было непосредственно затронутымъ во всѣхъ этихъ событіяхъ, оно осталось безучастнымъ и лѣнливымъ зрителемъ. Трудно сказать, что въ этомъ случаѣ вліяло: спячка-ли, страхъ-ли передъ правительствомъ или, наконецъ, социалистическая программа, поставленная партией движенія. Вѣрно, что двѣ первыя причины, такъ какъ третья не была достаточно ясно формулирована самими руководителями дѣла, а въ обществѣ она оставалась почти неизвѣстной.

Въ такомъ положеніи было дѣло до убійства генерала Мезенцева, когда правительство почувствовало всю силу маленькаго дѣвида. Оно растерялось и, сознавая въ своемъ безсиліи, настойчиво потребовало содѣйствія самого общества къ искорененію революціонной партіи.

Русское общество не поняло всей важности этого момента. Въ обществѣ не нашлось того чувства независимости, той любви къ свободѣ и того политическаго чутья, которыя подсказали бы, что слѣдуетъ дѣлать въ такую минуту. Поэтому правительственный призывъ вызвалъ не протестъ, а рядъ адресовъ пошлыхъ, униженныхъ, вполнѣ ничтожныхъ. Отцы, у которыхъ ежедневно вырываютъ дѣтей для медленной и ужасной казни, просятъ новыхъ казней надъ своими же дѣтьми за то, что тѣ рѣшили мстить своимъ назчамъ. Такого содержанія большинство адресовъ. Какое печальное явленіе! Но, что печальнѣе всего, такъ это то, что выразителями такихъ чувствъ русскаго народа явились его общественные органы — Земство и Государскія Думы. Извѣстно, что какъ первое, такъ и послѣднія заключаютъ въ себѣ достаточно интеллигентныхъ лицъ, которыя, будучи близко поставлены къ общественнымъ дѣламъ, основательно знаютъ положеніе народа и его нужды. Эти люди, вѣроятно, не разъ задумывались надъ бѣдностью и невѣжествомъ народа, надъ его беззащитностью, надъ произволомъ полиціи и администраціи, надъ невозможными налогами, надъ сносомъ ихъ взиманія; эти люди, конечно, пробовали уже что нибудь сдѣлать и убѣждались, что они безсильны, что и Земство и Думы въ захвѣ правительства и даже его шпіонизма агентовъ представляютъ ничтожество, не заслуживающее какого-либо вниманія. Казалось, что эти люди должны бы воспользоваться благоприятной минутой, чтобы прямо и открыто сказать правительству: «Мы не станемъ спорить, вредна ли пропаганда революціонныхъ идей въ Россіи, но спросимъ лишь, какимъ орудіемъ ты приглашаешь насъ бороться съ ними. Революціонныя идеи распространяются печатью и живыми словами, хотя на эту печать и на это слово ты налагаешь наложеніе свою карающую руку. Мы же обезоружены тобою. Мы не имѣемъ свободы слова и науки, чтобы доказывать заблужденія и невѣрность доктринъ нашихъ противниковъ. Правда, ты охотно предоставляешь намъ доказывать это, но мы не можемъ и не хотимъ быть слѣпымъ орудіемъ твоихъ вѣдѣній; мы не можемъ бороться неравнымъ оружіемъ и всегда будемъ помнить, что нашимъ противникамъ грозитъ

тюрьма, ссылка и каторга. Значитъ, ты предлагаешь намъ быть шпионами и сыщиками? Но можетъ ли народъ взять на себя такую позорную роль? Мы далеки отъ революционныхъ идей, но заявляемъ, что бороться съ ними можемъ лишь силою мысли и слова, палачей же между нами не пайдется! Раздѣляясь же самъ и зная, что мы не пельцельцемъ пальцемъ, чтобы помочь тебѣ, потому что, не желая революціи, мы еще менѣе желаемъ сохраненія стараго строя».

Приблизительно такъ мы должны были бы отвѣчать. Но, къ сожалѣнію, такъ мы не отвѣчали, хотя пашлись земства, которые рѣшились пользоваться минутой для проведения своихъ цѣлей. Полтавское земство, какъ извѣстно, составило правительству адресъ, въ которомъ выражаетъ свою готовность бороться съ революционными идеями и вмѣстѣ съ тѣмъ (заявляетъ), что «вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества, доступно лишь совокупнымъ силамъ правительства и общества». Но затѣмъ Полтавское земство полагаетъ, что «для достиженія этой цѣли не существуетъ въ настоящее время такой легальной почвы, на которой могли бы объединиться силы правительства и всѣхъ земствъ Имперіи, такъ какъ дѣятельность послѣднихъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ поставлена въ предѣлы мѣстныхъ нуждъ».

Харьковское земство пошло въ слѣдъ за Полтавскимъ и приняло записку гласнаго Горбенко, въ которой подъ покровомъ густаго тумана высказывается та же мысль, что правительство безсильно бороться съ пропагандой новыхъ идей и что стоитъ ему лишь подѣлиться властью съ обществомъ, чтобы «вырвать зло съ корнемъ».

Мы стоимъ близко къ земскому дѣлу и мы отличаемся подобающею консервативностью, но никакъ не можемъ согласиться съ такою постановкою вопроса. Полтавское и Харьковское земства говорятъ правительству: ты ведешь войну съ вредными идеями уже нѣсколько лѣтъ, но онѣ не только не погибаютъ, а растутъ все шире и шире; дай намъ власть и ты увидишь, какими молодцами мы покончимъ съ ними!

Неужели на такой почвѣ и изъ такого зерна должно вырасти древо Россійской Конституціи?

За полученіе доли власти земство принимаетъ на себя обязательство уничтожить извѣстный разрядъ идей и вмѣстѣ съ ними истребить людей ихъ распространяющихъ. Чтобы рѣшиться вырвать что либо съ корнемъ, надо достаточно хорошо узнать дѣло и только тогда рѣшиться, то ли это зло, которое слѣдуетъ вырвать. Но развѣ мы знаемъ эти «вредныя идеи»? Отсутствіе у насъ свободы печати не дало возможности поспѣлеть этимъ идеямъ ясно и подробно формулировать ихъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что значительная доля ихъ принадлежитъ не только лицамъ крайнихъ воззрѣній, но и людямъ самаго узкѣреннаго и даже консервативнаго образа мыслей. Доказательство этому мы находимъ въ запискѣ Черниговскаго земства, составленной комиссіей, и, какъ слышно, одобренной большинствомъ

гласныхъ, хотя не допущенной предсѣдательствомъ къ обсужденію въ собраніи. Печатавъ въ концѣ этой брошюры самую записку, мы здѣсь укажемъ лишь на то, что по мнѣнію Черниговскаго земства современное положеніе Россіи представляетъ богатую почву для распространенія революционныхъ идей, которые находятъ себѣ пищу въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ отсутствіи свободы слова и печати и въ полномъ неуваженіи къ законамъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны гражданъ. Конечно, пища революционныхъ идей не исчерпывается этими тремя вопросами. Но мы готовы допустить, что Черниговское земство не могло сказать болѣе того, что имъ сказано, желая вѣроятно соединить въ одинъ дружный протестъ возможно большее число голосовъ и направленій. Тѣмъ не менѣе изъ записки совершенно ясно, что консервативнымъ земскимъ спламъ желательны: свобода слова и печати, неприкосновенность личности, уничтоженіе административной ссылки и произвола администраціи, независимость крестьянскаго сословія отъ полиціи, измѣненіе системы налоговъ и образованія въ смыслѣ льготномъ для массы населенія и, наконецъ, исполненіе правительствомъ законовъ, имъ же издаваемыхъ. Вишь земства и въ немъ самомъ есть люди, которые идутъ дальше и желаютъ сверхъ того нѣкоторыхъ социальныхъ и экономическихъ реформъ. Безъ сомнѣнія революціонныя идеи идутъ еще дальше, но слѣдуетъ ли отсюда, что мы поднимаемъ руку на мысль, которая есть естественный продуктъ нашего положенія и которая даже своимъ заблужденіями можетъ принести пользу, отыскивая новые пути для улучшенія этого положенія? Еще менѣе мы можемъ взять на себя истребленіе людей, сѣющихъ «зло». Пока они борются силою слова, мы не можемъ взять въ руки другаго орудія кромѣ слова. Когда же находятся люди, которые прибѣгаютъ къ ножу и револьверу, то въ рукахъ правительства достаточно полицейской и судебной власти, чтобы справиться съ преступниками. Напротивъ, мы должны напомнить правительству, что лучшимъ средствомъ устраненія подобныхъ преступленій — служить необходимая свобода гражданъ и законность дѣйствій самой власти.

И такъ, мы думаемъ, что Полтавское и Харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душиить идеи и истреблять людей ими живущихъ? Напрасно думаютъ, что русскому народу свобода мысли и слова не дорога. Этотъ народъ уже два съ половиною вѣка терпитъ гоненія за свои вѣрованія и до сихъ поръ не можетъ молиться своему Богу. Сколько среди него погибло людей за вѣру и за «вредныя», но дорогія ему идеи?

Нѣтъ, такой конституціи намъ не нужно и мы горячо протестуемъ противъ замѣны одного произвола другимъ. Между тѣмъ, мы полагаемъ, что продолженіе существующаго порядка вещей — немыслимо. Никогда еще Россія не представляла такого печальнаго положенія. Выдержавъ побѣдоносную войну, Россія приняла роль подсудимой передъ Европой и принуждена была заключить позор-

ный миръ. Благосостояніе народа помрачено войной и нужны многіе годы, чтобы залечить открывшіяся язвы. Нищета бѣднѣйшихъ классовъ, тягость налоговъ, невѣжество, казнокрадство, расхищеніе государственныхъ имуществъ, мотовство народныхъ средствъ, финансовое банкротство, преслѣдованіе учащейся молодежи, развитіе политическихъ доносцовъ, административныя ссылки сотнями, — вотъ картина Россіи. Ожидать, что правительство одолѣетъ такую задачу, — нѣтъ причины. Напротивъ, оно доказало намъ свою неспособность справиться съ положеніемъ имъ же созданнымъ. Прося у насъ помощи, оно доказало намъ свое безсилье въ борьбѣ съ маленькою, но энергичною партіей. Теперь очередь за самимъ обществомъ. Среди русскаго народа имѣется много людей, далекихъ отъ революціоннаго образа мыслей, но глубоко преданныхъ интересамъ своей родины, проникнутыхъ горячею къ ней любовью и готовыхъ отдать свой трудъ и свою жизнь для ея блага. Этимъ людямъ не достаетъ лишь единства цѣлей и дѣйствій, чтобы стать силой, способной подчинить правительство интересамъ народа. Никакое правительство само не даетъ такихъ учрежденій, которыя бы надѣляли дѣятельную узду на его произволъ. Никакой народъ не станетъ дорожить конституціей, не гарантирующей ни личности, ни имущества. — Поэтому люди, готовые служить народу, должны взять на себя почти въ исполненіи великой задачи. Наиболѣе удобнымъ базисомъ такого движенія должны сдѣлаться земскія учрежденія, какъ единственный общественный органъ, соединяющій въ себѣ почти всѣ элементы и сословія. Поэтому, земство роковымъ путемъ идетъ къ своей политической миссіи и вопросъ лишь въ томъ, — съумѣетъ ли оно стать на высоту своей роли? Если эта задача окажется не по силамъ земству, если оно откажется отъ исполненія ея — все, что есть живаго и мыслящаго въ обществѣ, прикинется къ революціонному движенію, а земство, какъ учрежденіе, умретъ вмѣстѣ со смертію стараго строя.

Жизнь выдвигаетъ впередъ рядъ вопросовъ, разрѣшить которые должно земство, какъ выразитель желаній и стремленій русскаго народа. Хотя этотъ народъ еще вѣрится въ правительство и лишь на него рассчитываетъ въ избавленіи отъ своихъ бѣдъ, хотя земства, какъ представители своихъ интересовъ, онъ не знаетъ, но это потому, что земство до сихъ поръ ничего не сдѣлало для народа. Но какъ только земство пойметъ всю необходимость экономической реформы, когда оно приметъ всю массу народа подъ свое покровительство отъ произвола полиціи, — когда оно смѣло и рѣшительно потребуетъ у правительства права свободно обсуждать свои дѣла, слѣдить за расходами народнаго добра и считать свою личность неприкосновенною, — тогда весь народъ будетъ на сторонѣ земства, побѣда котораго станетъ обезпеченною.

Рядъ помѣченныхъ нами вопросовъ однако распадается на двѣ категоріи. Одни, какъ свобода слова и печати и личная гарантія, должны быть потребованы земствомъ немедленно. Другіе же могутъ быть разрѣшены

правильно въ общемъ Совѣтъ представителей народа. Но этотъ Совѣтъ только тогда станетъ истиннымъ выразителемъ интересовъ народа, когда онъ будетъ организованъ самими народомъ. Поэтому мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія.

И такъ, въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ Учредительнаго Собранія. Всѣ остальные вопросы должны быть на время отложены.

Но, чтобы имѣть возможность предъявить такія требованія, всѣ общественныя силы въ настоящее время должны быть направлены на измѣненіе состава земскихъ собраній. До сихъ поръ выборы земскихъ гласныхъ были внѣ вниманія общества: съ этой минуты они должны быть предметомъ усиленной агитаціи. Земскія собранія требуютъ серьезной очистки и привлеченія болѣе живыхъ и сильныхъ элементовъ. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія земство будетъ способно начать борьбу.

Избирая земство базисомъ движенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вѣруемъ, что всѣ силы русскаго народа дружно соединятся, чтобы завоевать себѣ свободу, и тогда обновленная Россія по праву займетъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

V.

При настоящихъ условіяхъ общественной жизни, первый вопросъ, какой является передъ всякимъ общественнымъ учрежденіемъ, это — вопросъ о деньгахъ, на которыя оно должно совершать свои отправленія. Деньги, которыя могутъ имѣть земскія учрежденія, — зависятъ отъ двухъ условій: отъ мѣстныхъ богатствъ и отъ условій обложенія ихъ, опредѣленныхъ закономъ. Безсильная увеличить богатства, государственная власть можетъ сильно затруднить обложеніе, — и въ этомъ отношеніи русская государственная власть и ея низшіе агенты сдѣлали и дѣлаютъ все возможное для того, чтобы лишить земскія учрежденія того, что теперь называется «первымъ дѣломъ».

Приступая къ характеристикѣ борьбы чиновничества съ земствомъ въ этой сферѣ, — въ финансовой, — мы должны напомнить, что финансы земства, и даже въ большей своей части, вовсе не идутъ на нужды мѣстныхъ или, по нашей официальной терминологіи, на расходы необязательныя (на школы, больницы, на мѣры для улучшенія экономическаго благосостоянія населенія и т. п.), но на нужды государственныя, обязательныя (повинности почтовой, дорожной, по расквартированію войскъ, содержанію полиціи и т. п.). При введеніи земскихъ учрежденій, по смѣтѣ на 1865 г., бюджетъ земскихъ сборовъ распредѣленъ былъ такимъ образомъ: на государственныя потребности изъ него было отчислено 18.046.424 р., на земскія (губ. и уѣздныя) всего 3.828.770. Съ этими

неполными четырьмя милліонами рублей земство должно было начать свое самоуправленіе и многостороннюю дѣятельность, такъ какъ всѣ права его по отношенію къ львиной долѣ, захваченной государствомъ, ограничены были участіемъ въ раскладкѣ этой доли, которую земство должно, что называется, вынуть да положить, и при этомъ о дальнѣйшемъ, т. е. о цѣлесообразности и употребленіи этихъ расходовъ, не разсуждать. И до сихъ поръ отношеніе обязательныхъ и необязательныхъ земскихъ расходовъ является въ слѣдующемъ видѣ:

	Всего расходовъ	Обязательные	Обяз.
1869 г. по 28 губ.	16.324.810 р.	6.117.824	37,5
1870 » » 28 »	17.345.243 »	6.630.774	38,2
1871 » » 31 »	18.119.759 »	7.736.042	42,7
1872 » 1 » 32 »	22.205.148 »	10.095.384	45,5
1873 » 1 » 32 »	22.712.058 »	10.945.055	51,8
1874 » 1 » 32 »	25.875.588 »	12.806.892	50,5
1875 » » 32 »	27.786.420 »	13.642.811	48,7
1876 » » 33 »	29.501.461 »	13.865.662	46,9
1877 » » 32 »	30.254.060 »	13.542.740	40,4

Въ 1879 году сумма общихъ земскихъ расходовъ равнялась 32.062.825; изъ этой суммы на обязательные расходы приходилось 16.050.369, т. е. нѣсколько болѣе половины всей суммы. Разсматривая же отдѣльные бюджеты разныхъ губерній, мы видимъ, что во многихъ мѣстахъ обязательные расходы даже и теперь превышаютъ необязательные, — такъ что сумма ихъ превышаетъ даже доходы земскіе и можетъ покрываться только изъ запасовъ.

Уже это обстоятельство налагаетъ на земства трудную финансовую задачу. Прибавьте къ этому, что земскія учрежденія застали въ Россіи обще-государственную педѣлѣйшую податную систему, которая лежитъ самымъ тяжелымъ образомъ на бѣднѣйшихъ классахъ, — что тѣмъ болѣе обижало земства налагать добавочныя податныя тяжести на удовлетвореніе собственно земскихъ нуждъ съ крайней осторожностью именно по отношенію къ этимъ классамъ. И вдругъ, въ самомъ началѣ существованія земскихъ учрежденій, правительство отняло у земства право обложенія одного изъ самыхъ богатыхъ и наименѣ платящихъ классовъ, — промышленнаго, издавъ, 21 ноября 1866 г., законъ, по которому фабрики и заводы не должны быть облагаемы земствомъ по степеніи ихъ доходности, а только, какъ постройки, а торговля свидѣтельства и патенты не выше 25% со вносимой въ казну пошлины.

Законъ этотъ въ свое время былъ называемъ многими косвеннымъ упраздненіемъ земскихъ учреждений или мѣрою, которая должна была сдѣлать эти учрежденія столь же безсильными, сколько и ненавистными бѣднымъ классамъ. И дѣйствительно, если изданіе этого закона не имѣло въ виду чего либо подобнаго, то совершенно невозможно и понять его политическій смыслъ. Законъ 21 ноября, конечно, нанесъ ударъ всѣмъ планамъ земства относительно выработки болѣе справедливой системы налоговъ, остановилъ начатыя въ этомъ направленіи работы и отбросилъ земскую систему налоговъ на рутинную дорогу — обложенія землевладѣнія, а въ немъ неизбежно крестьянства.

Не говоря о фактическомъ, крайне ощутительномъ для земства, сокращеніи средствъ,

въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе та неравномѣрность несенія земскихъ повинностей торговлей и промышленностью, въ сравненіи съ земельной собственностью, которая, сама собой, явилась послѣдствіемъ закона 21 ноября. Изъ отчетовъ о земскихъ сборахъ за три года съ 1875 по 1877 видно, что по 33 губерніямъ торговля и промышленность несли на себѣ только $\frac{1}{8}$ часть, а крестьянство немного болѣе половины всѣхъ земскихъ сборовъ. Ярко характеризуется та уравнивательность, которая создана закономъ 21 ноября, распредѣленіемъ сборовъ по Московской губерніи, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ промышленныхъ. Торговля и промышленность этой губерніи, съ годовымъ оборотомъ въ 176 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, платитъ земскихъ сборовъ 570.000, между тѣмъ крестьянство, съ земельной доходности только въ 2.635.000 р., должно платить сборовъ земскихъ 230.000 р. (а всѣхъ: казенныхъ, земскихъ и общественныхъ, 5.108.000, или 193% доходности, т. е. почти вдвое противъ всей своей земельной доходности). Принявъ же во вниманіе, что изъ суммъ 570.000, уплачиваемыхъ торговлей и промышленностью, 184.000 падаютъ на литейные патенты и косвенно выплачиваются тѣмъ же населеніемъ, то окажется, что вся торговля и промышленность уплачиваютъ земскаго сбора только 386.000 р. Такимъ образомъ, съ одной стороны, торговлей и промышленностью, при оборотѣ въ 176 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, уплачивается 386.000 р., а, съ другой, крестьянство при доходности, или точнѣе, при заработкѣ въ 2.635.000 р., платитъ на земство 230.000 р. Вотъ результатъ таксаціи правительства, созданный закономъ 21 ноября. Земству, ограниченному въ одной изъ самыхъ важныхъ и законныхъ статей обложенія, оставалось или развивать свою дѣятельность и потребныя для того средства, предполагавшіяся по съѣмнымъ разчисленіямъ съ торговли и промышленности, разложить на крестьянство, т. е. совершенно и окончательное его раззорить, или же сдѣлать программу дѣятельности, ограничиться только «неукоснительнымъ» исполненіемъ обязательныхъ отправленій, оставивъ въ сторонѣ всякое стремленіе къ увеличенію средствъ на необязательные расходы, т. е. на улучшеніе и усовершенствованіе благосостоянія населенія, которое, благосостояніе, со временемъ стало бы источникомъ и новыхъ доходовъ для земства.

Или для кого теперь не секретъ, что земства не поднимали благосостоянія крестьянъ, бѣднѣніе которыхъ идетъ въ ужасающей прогрессіи. Приведенныя цифры по Московской губерніи характеризуютъ тѣ тяжести, которыя приходится нести общинному землевладѣнію. Если къ этому прибавить еще то, что издѣлѣскія земли по крайней мѣрѣ свободны отъ казенныхъ сборовъ, которые несетъ крестьянство на своихъ плечахъ, то тогда будетъ вполне понятно то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится и къ которому идетъ крестьянство. Ежегодныя статистическія свѣдѣнія, этотъ непогрѣшимый мѣръ народнаго богатства, прямо указываютъ, что оно падаетъ годъ отъ году. Количество скота уменьшается, голодъ въ народѣ дѣлается явленіемъ зауряднымъ. «Идемъ мы, говоритъ одинъ изъ тверскихъ гласныхъ, съ свойствен-